

К. К. Романовъ.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ С. П. БАРТЕНЕВА:

МОСКОВСКІЙ КРЕМЛЬ

ВЪ СТАРИНУ И ТЕПЕРЬ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1914.

К. К. Романовъ.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ С. П. БАРТЕНЕВА:

МОСКОВСКІЙ КРЕМЛЬ

ВЪ СТАРИНУ И ТЕПЕРЬ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1914.

Изъ Записокъ Разряда военной археологии и археографіи Императорскаго Русскаго Военно-
Историческаго Общества.

Московскій Кремль въ старину и теперь. Составилъ С. П. Бартенева.
Изд. Министерства Имп. Двора. М. 1912.

Труды по исторіи русскаго военно-инженернаго искусства до-Петровской эпохи, или труды, посвященные описанію памятниковъ его, появляются такъ рѣдко, что необходимо привѣтствовать каждую хотя-бы самую небольшую работу въ данной области; тѣмъ съ большимъ вниманіемъ необходимо отнестись къ недавно выпущенному въ свѣтъ описанію Московскаго Кремля. Такого описанія до сихъ поръ издано не было; были лишь: обстоятельная работа по топографіи Кремля до конца XVII в. И. Е. Забѣлина («Исторія города Москвы» ч. I, изд. 2-е, М. 1905 г.), замѣтки о Кремлѣ Э. Ласковскаго въ его капитальномъ, но, къ сожалѣнію, все же устарѣвшемъ трудѣ— «Матеріалы для исторіи военно-инженернаго искусства въ Россіи» (тт. I—II, изд. 1858—1885 гг.), части, касающіяся Московскаго Кремля, въ изданіи «Москва въ ея прошломъ и настоящемъ» (изд. Т-ва «Образованіе») и въ статьѣ Э. Э. Горностаева о крѣпостномъ зодчествѣ Московской эпохи (Исторія русскаго искусства, изд. подъ редакц. И. Грабаря т. II, стр. 312—324) ¹⁾.

Внѣшность изданнаго г. Бартенева трудъ роскошна: большой томъ in 4°, на очень толстой бумагѣ, со множествомъ иллюстрацій; среди послѣднихъ нѣсколько красочныхъ, впрочемъ, весьма неудачныхъ, не передающихъ ни характера, ни окраски изображаемыхъ частей памятника.

Нѣкоторые рисунки Кремля XVIII—XIX вв. впервые изданы авторомъ и заслуживаютъ большого интереса. Переизданы и въ большинствѣ случаевъ лучше, чѣмъ это было сдѣлано ранѣе, планы Кремля XVI—XVII вв. Изданы также чертежи *всѣхъ* Кремлевскихъ башенъ (планы, фасады и разрѣзы), притомъ, въ довольно крупномъ масштабѣ, чего до сихъ поръ сдѣлано не

¹⁾ Описаніе кремлевскихъ стѣнъ въ книгѣ М. Е. Фабриціуса «Кремль въ Москвѣ» (М. 1883 г.) врядъ-ли можетъ удовлетворить самаго невзыскательнаго читателя.

было ¹⁾ и что является цѣннымъ вкладомъ въ русскую археологическую литературу, несмотря на эскизность исполненія оригиналовъ, не удовлетворяющихъ современнымъ археологическимъ требованіямъ. Къ сожалѣнію, не ясно, кѣмъ и когда исполнены чертежи.

На стр. 87 авторъ говоритъ, что имъ помѣщены во второй части книги «исправленные» чертежи, исполненные въ 1866—67 гг. и еще разъ возвращается къ исправленію чертежей на стр. 252, говоря, что чертежи были «перечерчены съ возможными исправленіями при помощи провѣрки съ натуры, а также посредствомъ фотографическихъ снимковъ, нѣкоторые же составлены заново».

Послѣдняя замѣтка о провѣркѣ чертежей посредствомъ фотографическихъ снимковъ подчеркиваетъ эскизность чертежей и неточность обмѣровъ съ натуры.

На нѣкоторыхъ чертежахъ видны подписи архитектора Герасимова, а слѣдовательно, они могутъ относиться къ 1860-мъ годамъ (ср. стр. 157, 175 и др.). Не при всѣхъ чертежахъ есть масштабы, что затрудняетъ пользованіе ими, особенно при невыдержанности чертежей въ одномъ масштабѣ (напр., планы часто не совпадаютъ по размѣру или не находятся въ кратныхъ отношеніяхъ съ размѣрами фасадовъ и разрѣзовъ).

Кромѣ чертежей, стѣны и башни Кремля, а также ихъ детали, представлены массой фотографическихъ снимковъ, большею частью весьма интересныхъ и нужныхъ; большинство ихъ также не повторяетъ извѣстныхъ ранѣе въ печати фотографій. Такова внѣшняя сторона изданія.

Въ текстѣ авторъ наибольшее вниманіе удѣляетъ исторіи Кремля.

Къ сожалѣнію, однако, древнѣйшій періодъ слабо разработанъ, хотя и занимаетъ довольно много мѣста; въ немъ авторъ повторяетъ безъ должной критической оцѣнки то, что уже было высказано Э. Ласковскимъ и И. Е. Забѣлинымъ, только изрѣдка дополняя сказанное раньше собственными домыслами, не всегда, впрочемъ, удачными. Такъ, осторожное предположеніе И. Е. Забѣлина ²⁾ о «повидимому срединномъ положеніи» Предтеченской церкви въ «древнѣйшемъ городкѣ Москвѣ» г. Бартеневъ развиваетъ (см. стр. 5), давая размѣры древнѣйшаго Кремля Москвы въ XII в. съ точностью до 50 шаговъ, не имѣя изслѣдованія почвы ³⁾.

¹⁾ У Э. Ласковского были изданы лишь планы Кремля и нѣкоторые чертежи башенъ, но очень эскизные въ крайне мелкомъ масштабѣ.

Въ крупномъ масштабѣ изданы только чертежи уничтоженныхъ Гербовыхъ (Колымажныхъ) воротъ Кремля («Памятн. древн.-русскаго зодчества», изд. Академіею Художествъ, вып. IV).

²⁾ Исторія гор. Москвы, стр. 63.

³⁾ Такимъ, конечно, нельзя назвать свѣдѣніе объ остаткахъ древняго вала у юго-западнаго угла Спасскаго собора, взятое авторомъ (безъ ссылки) у И. Е. Забѣлина, относившагося очень осторожно къ этому сообщенію, почерпнутому у Гостева (Статистич. описаніе Москвы, М. 1846 г.):

Также неосторожно (на стр. 20) г. Бартенева распространяет мысль И. Е. Забѣлина о постройкѣ въ 1491 г. Никольской стрѣльницы, определенно указывая, что эти ворота и стѣна отъ Никольскихъ воротъ до угловой Собакиной башни построены на новомъ мѣстѣ, а что стѣна Дмитрія Донского шла отъ Спасскихъ воротъ къ нынѣшней средней Арсенальной башнѣ. Забѣлинъ лишь думалъ ¹⁾, что Никольская башня «была заложена... не на мѣстѣ старой стрѣльницы, но, вѣроятно, съ прибавкой городского пространства». Въ лѣтописи же просто сказано: «а Никольскую стрѣльницу не по старой основѣ заложилъ, да и стѣну до Неглимы»; другихъ свѣдѣній нѣтъ, не приводитъ ихъ въ подтвержденіе своей мысли и г. Бартенева.

Далѣе, о работахъ въ Кремлѣ Вас. Дмитр. Ермолина ²⁾ во второй половинѣ XV в. г. Бартенева знаетъ, повидимому, лишь по труду Забѣлина, а не по Ермолинской лѣтописи, изданной въ 1910 г.; поэтому онъ пропустилъ запись, находящуюся подъ 6970 (=1462 г.), не безынтересную для исторіи Кремля: «Того же лѣта стѣна поновлена городная отъ Свибловы стрѣльницы ³⁾ до Боровицкихъ воротъ камнемъ ⁴⁾, предстательствомъ Василя Дмитреева сына Ермолина» (П. С. Р. Л., т. XXIII, 187).

Гораздо живѣе и интереснѣе начинается изложеніе автора, когда онъ переходитъ къ описанію Кремля въ XVII вѣкѣ, потерявшаго въ это время свое боевое значеніе, ставшаго понемногу только декоративной оградой (стр. 55—61).

Авторъ приводитъ массу весьма интересныхъ свѣдѣній и выписей (по актамъ) относительно исторіи разрушенія, ремонтовъ, перестроекъ и часового дѣла въ башняхъ и стѣнахъ Кремля за вторую половину XVII, XVIII и начало XIX вв. Объ этомъ онъ говоритъ неоднократно и это наиболѣе сильная и обстоятельная часть труда, дающая большой фактической матеріалъ; ею, повидимому, больше всего интересовался и самъ авторъ.

¹⁾ Истор. города Москвы, стр. 138

²⁾ При этомъ авторъ врядъ-ли правъ, говоря: (стр. 138) «со стороны Кремля Фроловская стрѣльница была украшена въ 1466 г. статуей Св. Великомученика Дмитрія Селунскаго»; въ лѣтописи сказано: «въ лѣто 974. Поставленъ бысть святый великій мученикъ Дмитрей на Фроловскихъ воротехъ изнутри города а рѣзанъ вкамени» (Ермолинск. лѣт. П. С. Р. Л., т. XXIII, 158), вѣроятноже, всего это были рельефы, какъ и приписываемый тому-же Ермолину рельефъ св. Георгія, сохраняющійся въ церкви св. Михаила Маленина въ Вознесенскомъ монастырѣ.

³⁾ Т. е. отъ нынѣшней Водовзводной башни. Упоминаемый участокъ стѣны былъ перестроенъ («свершенъ») Петромъ Антоніемъ Фрязинымъ въ 1490 г. (П. С. Р. Л., т. XXIII, 187).

⁴⁾ Это мѣсто Ермолинской лѣтописи можетъ отчасти служить нѣкоторымъ опроверженіемъ весьма осторожно высказаннаго предположенія Э. Э. Горностаева о томъ, что Кремль, построенный Дмитріемъ Донскимъ, могъ быть деревяннымъ лишь съ каменными башнями (И. Грабарь. Истор. Русск. искусства, т. II, стр. 315, прим. 3).

Записки разряда воен. археол. и археогр., т. III.

Къ этой-же части относится рядъ рисунковъ XVIII в., приведенныхъ авторомъ, работы Гваренги (1786 г.), Тишбейна, Алексѣева и др. 1).

Къ сожалѣнію, авторъ не даетъ критической оцѣнки этихъ рисунковъ, не отмѣчаетъ большого значенія рисунковъ Гваренги и Алексѣева и малой правдивости, почти фантастичности, рисунковъ Тишбейна; послѣдніе напоминаютъ скорѣе наброски по памяти, чѣмъ рисунки съ натуры; для примѣра, достаточно сравнить изображенія Сенатской и Спасской башенъ (стр. 72) со снимками съ натуры (стр. 122, 145 и 227), или рисунокъ одной Спасской башни съ изображеніемъ ея на картинѣ Гильфердинга 1787 г. (приводимой на стр. 77), на рисунокѣ Гваренги (стр. 146), на снимкѣ съ натуры или даже на иконѣ Владимірской Божіей Матери работы Симона Ушакова въ церкви Грузинской Б. Матери (стр. 60) 2). Ни въ одномъ періодѣ существованія башни, ни до, ни послѣ Тишбейна, нѣтъ навѣсныхъ бойницъ на ней, форма верха другая и пропорціи башни съ пристройкой совершенно иныя.

Приводя рисунокъ Кремля на Грузинской иконѣ и планы XVII в., авторъ опустилъ изображеніе Кремля на рисунокѣ «Книги объ избраніи на царство Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича» 3), между тѣмъ на немъ изображены со стороны Красной площади «Царская»-деревянная (несуществующая нынѣ), Спасская и «Сенатская» башни до ихъ позднѣйшихъ передѣлокъ, а также двѣ оборонительныя стѣнки по обѣ стороны рва передъ большой стѣной Кремля. Рисунокъ дополняетъ и во многомъ подтверждаетъ другія изображенія Кремля XVII в.

Не введенъ въ разсматриваемую книгу также видъ Кремля на старомъ рисунокѣ, приведенномъ въ изданіи «Москва въ ея прошломъ и настоящемъ» 4), гдѣ «Сенатская» башня и стѣны изображены безъ кровли.

Не использовавъ рисунокъ «Книги объ избраніи на царство», авторъ не отмѣтилъ въ своей работѣ и прежней формы покрытія «Сенатской» башни деревяннымъ шатромъ прямо по зубцамъ, что видно, впрочемъ, и на иконѣ Божіей Матери Грузинской.

Не зная рисунка «Книги объ избраніи», авторъ не смогъ указать сходства въ изображеніи деревянной башенки-навѣса (на мѣстѣ нынѣшней «Царской» башни) на этомъ рисунокѣ и на «Годуновскомъ» планѣ Кремля. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что формы стараго Кремля по старымъ рисункамъ авторомъ не разобраны.

1) Хранятся въ Собраніи Имп. Эрмитажа, въ отдѣленіи гравюръ и рисунковъ.

2) Кстати, изданной въ книгѣ совершенно не удовлетворительно—по рисунку отъ руки.

3) См. изданіе Коммисіи печ. Госуд. грамотъ и договоровъ при Моск. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ. М. 1856 г., а также: «Москва въ ея прошломъ и настоящемъ», изд. т-ва «Образованіе» ч. II, стр. 196.

4) Ч. II, табл. при стр. 88.

Переходя къ описанію отдѣльныхъ памятниковъ крѣпостной архитектуры Кремля, описывая отдѣльно каждую башню, г. Бартеневъ слишкомъ мало изучаетъ памятникъ, мало видитъ слѣдовъ жизни въ немъ и все время отъ вещественныхъ данныхъ старается перейти къ архивнымъ. При этомъ онъ пишетъ о памятникѣ, къ какой-бы эпохѣ онъ ни относился, совершенно одинаково. Его не волнуетъ, имѣемъ-ли мы передъ собой дѣйствительное сооруженіе XV—XVII вв. или подражаніе старому, сдѣланное въ XIX в.; онъ какъ будто даже вѣритъ въ точность подражанія и совершенно покойно говоритъ о формахъ Тайницкой башни (постр. 1771—1783 гг.), или Водовзводной (1816—1819 г.)¹⁾ и Никольской, сравнивая ихъ съ дѣйствительно древними башнями; только въ самомъ концѣ авторъ, обыкновенно, неожиданно для неподготовленнаго читателя, заявляетъ, что вся башня переложена въ такомъ-то году, а слѣдовательно всѣ тѣ историческія свѣдѣнія, которыя читатель приурочивалъ уже къ даннымъ на иллюстраціяхъ формамъ, оказываются, относятся къ совсѣмъ другому памятнику (такъ, на стр. 237, при описаніи «1-й Безымянной башни»); а иногда авторъ и совсѣмъ не дѣлаетъ этихъ оговорокъ.

При этомъ обыкновенно авторъ не указываетъ и тѣхъ новыхъ чертъ, которыя могли быть привнесены въ подражательныя постройки при ихъ возведеніи, а такихъ чертъ много; для примѣра, вспомнимъ дорическія колонки шатра Водовзводной башни (см. рис. 249—252, стр. 204—206).

Также очень подробно авторъ останавливается (стр. 97) на «бойницѣ» у Боровицкой башни, которую считаетъ «наиболѣе замѣтной особенностью» «въ наружномъ строеніи Кремлевскихъ стѣнъ» вмѣсто того, чтобъ прямо сказать, что она сложена въ 1860 г., что раньше подобной «бойницы» здѣсь не было и что вся эта часть не имѣетъ поэтому никакого значенія при изученіи древняго Кремля.

Говоря, что нижняя часть большинства башенъ (Спасской и пр.) осталась древней, авторъ не указываетъ, однако, что ни на одной башнѣ, кромѣ Беклемишевой нѣтъ древнѣйшихъ навѣсныхъ бойницъ (машикули), устройство ихъ измѣнило обликъ нижнихъ частей башенъ и, конечно, весьма важно было-бы знать точно время этихъ передѣлокъ.

Не указано число уничтоженныхъ деревянныхъ половъ (мостовъ) въ башняхъ, не указано были-ли въ нихъ антресоли. Не указаны какія передѣлки замѣтны въ кладкахъ башенъ и стѣнъ. Вообще, изслѣдованія башенъ и стѣнъ нѣтъ въ трудѣ г. Бартенева и эта часть ждетъ новаго изслѣдова-

¹⁾ При чемъ до этого она была съ основанія перестроена еще въ 1805—07 гг.

теля, для работы котораго цѣннымъ матеріаломъ послужать архивныя справки разбираемаго труда.

Неостороженъ авторъ при разборѣ общихъ конструктивныхъ формъ Кремля.

Правильно подмѣтивъ, что башни Кремля изолируютъ находящіяся между ними прясла стѣнъ и не даютъ возможности непріятелю, занявшему одно прясло, перейти по стѣнѣ на сосѣднее, минуя башню, г. Бартеневъ позднѣе, какъ-бы забывъ объ этомъ, даетъ совершенно невѣрное, на мой взглядъ, освѣщеніе сложности переходовъ съ одного прясла на другое посредствомъ лѣстницъ въ башняхъ съ подъемами и спусками.

На стр. 96 онъ говоритъ: «сложность перехода черезъ башни, разделяющія прясла стѣны, обуславливается отчасти самимъ строеніемъ башенъ, но главнымъ образомъ неодинаковостью уровня стѣнъ, которыя дѣлаютъ значительныя повышенія и пониженія сообразно уклонамъ Кремлевской горы».

Обратившись къ памятнику, видимъ, что всѣ лѣстничные ходы съ одного прясла стѣны на другой черезъ башню соединяются въ какомъ-либо одномъ этажѣ башни, миновать который нельзя; при этомъ изъ башни на каждое прясло идетъ отдѣльный ходъ, почти всегда опускающійся. Подобное устройство логично подчеркиваетъ основную идею полной изолированности каждаго прясла. Лѣстница съ прясла въ башню служитъ лишь для необходимой связи защитниковъ во время боя и ставитъ въ очень трудное положеніе непріятеля, который вздумалъ-бы съ занятаго прясла попасть на сосѣднее, проникнувъ черезъ башню. Послѣднему пришлось-бы сначала брать башню и защитники встрѣтили-бы врага во время подъема его по узкой лѣстницѣ; приэтомъ число защитниковъ въ угрожаемомъ этажѣ башни могло быть усилено по совершенно свободной лѣстницѣ съ другого прилегающаго прясла.

Если-бъ же, какъ думаетъ г. Бартеневъ, устроенные сложные переходы были вызваны лишь неровностью почвы и соотвѣтственно уступчатою расположенію стѣны, то естественнѣе было бы при постройкѣ обойтись всего одной лѣстницей по одной сторонѣ башни, и устроить въ послѣдней полѣ на уровнѣ хода одного изъ примыкающихъ пряселъ стѣны. Простые переходы при подобныхъ простыхъ условіяхъ заданія наблюдаются въ Кремлѣ, напр., между Константино-Еленинской и Набатной башнями.

Говоря объ архитектурныхъ формахъ Кремля XVI в., авторъ весьма правильно подчеркиваетъ высказанную до него мысль о близости Кремля къ памятникамъ крѣпостной архитектуры Сѣверной Италіи (стр. 35) и приводитъ рядъ новыхъ примѣровъ, который можно было-бы еще увеличить, но авторъ

глубоко не правъ, говоря о древнѣйшихъ формахъ русской крѣпостной архитектуры.

Не входя въ полемику по сложному, вопросу о формахъ древнѣйшихъ деталей и конструкцій русскихъ крѣпостей, можно все же сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на миѣнїя автора. *Во-первыхъ*, нельзя всецѣло переносить западныя формы деталей на русскія крѣпости, строенныя ранѣе конца XV в., такъ какъ предварительно необходимо было-бы доказать возможность такого простаго прїема объясненія погибшихъ формъ русскаго крѣпостного зодчества. При этомъ необходимо имѣть въ виду слишкомъ большое различіе въ матеріалѣ и его обработкѣ въ Московской Руси и въ различныхъ мѣстахъ готическаго запада, да необходимо было-бы указать и пункты заимствованія, т. к. на самомъ западѣ только на первый взглядъ и при недостаточномъ знакомствѣ съ памятниками можно усмотрѣть полное единообразіе.

Точно также автору слѣдовало-бы съ бѣльшей критической оцѣнкой отнестись къ сообщаемымъ примѣрамъ метательныхъ орудій «*Запада*», понимаемаго авторомъ и территориально, и хронологически въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; въ трудѣ г. Бартенева есть ссыла на защиту Сиракузъ при Архимедѣ и на войны Юлія Цезаря; слѣдовало бы съ бѣльшей осторожностью отнестись къ самой возможности подобныхъ примѣровъ въ исторіи русскаго инженернаго искусства.

Во-вторыхъ, авторъ не правъ, говоря: «въ то время когда не было еще огнестрѣльнаго оружія, при сооружеіи каменныхъ кремлей стѣны обыкновенно дѣлались весьма высокими и *толстыми*» (стр. 20). Напротивъ, по немногимъ, дошедшимъ до насъ отъ того времени, памятникамъ видно, что стѣны дѣлались сравнительно тонкими и ихъ утолщали прикладками въ болѣе позднее время при примѣненіи огнестрѣльнаго оружія; такъ было, на примѣръ, въ г. Изборскѣ.

Во-третьихъ, дѣлая замѣчаніе объ архитектурныхъ формахъ Фроловской стрѣльницы постройки Димитрія Донскаго, для сужденія о которыхъ прямыхъ свѣдѣній нѣтъ, т. к. она не существуетъ, авторъ говоритъ (стр. 138): «вѣроятно, характеръ всей постройки былъ византійскій, ибо въ ту эпоху Русь еще заимствовала формы каменнаго крѣпостнаго зодчества непосредственно изъ Византіи». Съ одной стороны, это требовало-бы, доказательствъ, (которыхъ у автора не указано), т. к. привело-бы къ установленію новаго положенія, весьма цѣннаго для исторіи русскаго инженернаго искусства; съ другой стороны—поясненія того, что понимаетъ авторъ подъ словомъ «византійскій», въ какомъ смыслѣ слова понимаетъ «Византію» и какія византійскія крѣпостныя сооружеіа имѣлъ въ виду. Впрочемъ, это замѣчаніе

автора тѣмъ болѣе странно, что, какъ уже указано, всѣ объясненія формъ крѣпостныхъ деталей данной эпохи онъ ведетъ по образцамъ готическаго запада.

Желаніе автора говорить о стилистическихъ формахъ кремлевскихъ башенъ приводитъ его къ цѣлому ряду неточностей и ошибокъ.

Такъ, совершенно непонятно стилистическое описаніе (стр. 81) нынѣ не существующей Гербовой башни, куда вплетены: «итальянскій ренессансъ», «готическіе щипцы» и «восточный характеръ ломаныхъ арокъ».

Говоря о декоративныхъ формахъ Никольской башни (стр. 167), авторъ считаетъ ихъ сдѣланными «въ выдержанномъ готическомъ стилѣ», «gothique flamboyant», но, конечно, нельзя говорить серьезно ни то ни другое, такъ какъ верхъ Никольскихъ воротъ типичная faux gothique конца XVIII—начала XIX вв.

Зонтикъ надъ иконой Знаменія Пр. Богородицы на Троицкой башнѣ со стороны Неглинной, простой русской бочкообразной формы съ подвышеніемъ (притомъ, вѣроятно, не древній), почему-то охарактеризованъ: «рѣзная арка готической формы съ короной и крестомъ на ней» (стр. 157).

Вѣря, повидимому, въ точность воспроизведенія Водовзводной башни въ 1816—1819 гг. по образцу древней, переложенной отъ основанія въ 1805—1807 гг., авторъ отмѣчаетъ: «итальянскій характеръ этого сооруженія не претворился въ русскій и сходство ея съ зданіями Италіи въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ частяхъ очень велико. Низъ весьма похожъ на итальянскія круглыя башни, машикули совершенно той-же формы, какъ въ башняхъ Сіенны и Флорентинскомъ соборѣ. Полукруглыя арочки, круглыя окна, дорическія колонны еще болѣе подчеркиваютъ причастность этой постройки къ зодчеству Западной Европы» (стр. 205).

Но вѣдь башня переложена съ основанія сначала въ 1805—1807 гг., а потомъ въ 1816—1819 (послѣ разрушенія 1812) «съ небольшими измѣненіями прежнихъ формъ» (стр. 209), а ихъ то прежде всего и слѣдовало отмѣтить, тогда, можетъ быть, и самъ авторъ посмотрѣлъ-бы иначе на существующую башню и увидѣлъ-бы въ ней не только слѣды подражанія разрушенному сооруженію, но и ярко выраженные признаки классицизма эпохи Александра I (см. рис. на стр. 204—206).

Не зная архитектурныхъ терминовъ, авторъ дѣлаетъ новый рядъ ошибокъ. Онъ дважды (на стр. 184 и на стр. 187 въ подписи подъ рис. 220) говоритъ объ «восьмигранномъ куполѣ» верхняго этажа Боровицкой башни, имѣя въ виду сомкнутый сводъ. Находитъ «выгрызенные фронтоны» (стр. 158) въ башнѣ Кутафѣ. Называетъ дважды (стр. 92 и 247) Царскую

башню «шатромъ» ¹⁾, тогда какъ подъ шатромъ понимается опредѣленно лишь форма покрытія, примѣненная и въ царской башнѣ. Не думалъ-ли въ послѣднемъ случаѣ авторъ сказать «сѣнь»?

Злоупотребляя словомъ «готическій», почему-то особенно полюбившимся ему, авторъ стрѣльчатыхъ арки и пролеты всегда называетъ «готическими».

Какъ извѣстно, въ настоящее время въ литературѣ для обмѣровъ употребляютъ всегда наиболѣе удобныя и простыя десятичныя мѣры (метръ, или сажень, дѣленную на сотки); только для измѣреній кирпича оставлены вершки, кратно которымъ до сихъ поръ измѣряютъ кирпичъ на нашихъ заводахъ. Авторъ-же, въ таблицѣ измѣреній стѣнъ (стр. 96), всѣ размѣры приводитъ въ аршинахъ и вершкахъ, а кирпичи измѣряетъ сантиметрами. О послѣднемъ онъ пишетъ въ общемъ столбцѣ: «кирпичъ (мѣра въ сантиметрахъ)», но тутъ-же вводитъ въ недоумѣніе читателя, проставляя въ узкихъ столбцахъ длины, ширины и толщины кирпича сокращенное слово «верш.» (вершки); въ первый моментъ не знаешь, какими-же мѣрами взяты кирпичи и лишь прочитавъ цифры столбцовъ (напр. размѣръ кирпича въ пряслѣ между Спасской и Царской башнями — $30 \times 14 \times 7$) видишь, что цифры могутъ обозначать только сантиметры ²⁾, и тутъ-же, невольно, переводишь измѣренія на общепонятную у насъ форму (въ приведенномъ примѣрѣ $6^{3/4} \times 3^{1/4} \times 1^{5/8}$ верш.).

Наконецъ, въ текстѣ есть цѣлый рядъ описокъ и недосмотровъ.

На стр. 157 говорится, что «верхушка» Троицкой башни «раздѣлена на-двое полуциркульнымъ сводомъ», слѣдовало-бы понимать коробовымъ, между тѣмъ на чертежѣ (см. рис. 170) сводъ сомкнутый.

Описывая Никольскую башню (стр. 167), авторъ говоритъ, что «отводная башня одинаковой высоты и ширины съ нижнимъ массивомъ главной башни, чего нѣтъ въ другихъ проѣздныхъ башняхъ Кремля», на планахъ же (рис. 189, 190 и 191) и фасадѣ (рис. 186) видимъ, что отводная часть сужена, какъ въ другихъ башняхъ. На стр. 171 при описаніи той-же Никольской башни авторъ говоритъ: «сами ворота связаны со многими историческими обрядами и событіями. Черезъ нихъ въ 1446 г. взошелъ съ дружиной бояринъ Плещеевъ и тѣмъ вернулъ власть законному Государю Россіи». Но самъ-же авторъ знаетъ, что Никольскія ворота заложены «не по

¹⁾ „Царская башня, представляющая въ сущности не башню, а шатеръ.“ (стр. 92).

„Въ сущности это не башня, а каменный двухэтажный шатеръ, поставленный прямо на стѣпу“ (стр. 247).

²⁾ Иначе кирпичъ оказался-бы, часто, почти въ 2 аршина длиною!

старой основѣ» въ 1491 г., а ворота постройки Дмитрія Донского, черезъ которыя долженъ былъ хронологически входить Плещеевъ, по мнѣнію самого автора, стояли даже на другомъ мѣстѣ (см. выше).

Есть у автора и прямыя неправильности рѣчи, какъ напримѣръ, земляной «валъ съ крутыми отлогостями» (стр. 8).

Резюмируя, можно сказать, что, несмотря на свои крупныя недостатки, книга г. Бартенева все-же имѣетъ значеніе по отмѣченнымъ выше достоинствамъ ея; особенно по хорошему знакомству автора съ архивомъ Министерства Императорскаго Двора въ Москвѣ.

Ошибка автора, что, вмѣсто весьма цѣннаго для справокъ изданія новыхъ свѣдѣній о Кремлѣ, почерпнутыхъ въ архивахъ (съ необходимымъ точнымъ указаніемъ мѣстонахожденія источниковъ и изданій ихъ, сдѣланныхъ ранѣе, чего авторъ не сдѣлалъ), онъ задумалъ разработать всестороннее изслѣдованіе о Кремлѣ и Кремлевскихъ стѣнахъ. Съ такой задачей авторъ справиться не могъ по ясно видной въ работѣ неподготовленности во многихъ областяхъ принятаго изслѣдованія; особенно-же слаба архитектурно-историческая часть.

Лицамъ, интересующимся Кремлемъ, знать книгу С. П. Бартенева слѣдуетъ, но пользоваться ею необходимо съ большою осторожностью.

С.-Петербургъ, 6 января 1913 г.

